

Информационно-аналитическое совещание "Современная российская наркополитика"

Интернет-сайт "Нет наркотикам" и журнал "Наркология" начинают проведение цикла информационно-аналитических совещаний, посвященных наиболее актуальным аспектам современной российской политики в области борьбы со злоупотреблением психоактивными веществами. Организаторы совещаний планируют обсуждение политических, медицинских, психологических, юридических, педагогических и экономических вопросов, связанных с потреблением средств, вызывающих зависимость. В представленном ниже материале ведущие эксперты страны в области наркополитики попытались ответить на вопрос: "Есть ли в нашей стране последовательная антинаркотическая политика?"

Участники

Акиншин Юрий Игоревич — заместитель начальника Управления телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ФАПМК;

Вишняк Борис Александрович — президент Межрегионального общественного фонда "Образование в III тысячелетии";

Зазулин Георгий Васильевич — к.юр.н., российский представитель организации "Города Европы против наркотиков" (ЕСАД);

Калачев Борис Федорович — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного лингвистического университета;

Колгашкин Алексей Юрьевич — главный редактор информационно-публицистического сайта "Нет — наркотикам";

Мионов Алексей Сергеевич — заместитель начальника Управления межведомственного взаимодействия в сфере профилактики ФСКН;

Надеждин Алексей Валентинович — к.м.н., научный редактор журнала "Наркология", руководитель отделения детской наркологии ННЦ наркологии Росздрави;

Очковский Евгений Анатольевич — советник регионального представительства в России и Беларуси Управления ООН по наркотикам и преступности;

Ройзман Евгений Вадимович — член Комитета по безопасности Государственной думы РФ;

Чалая Ирина Ивановна — советник заместителя руководителя ФАПМК.

Стенограмма совещания

Колгашкин А.Ю. Добрый день, уважаемые коллеги. Сегодня интернет-сайт "Нет — наркотикам" и журнал РАМН "Наркология" проводят информационно-аналитическое совещание "Современная российская наркополитика", приуроченное к Международному дню борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков. Отталкиваясь от заявленной тематики, давайте все вместе попытаемся определить, существует ли сегодня в России четко сформулированная наркополитика, и если да, то в какой степени о ней информированы граждане нашей страны, в интересах которых эта политика, собственно говоря, и проводится.

Надеждин А.В. Мы не можем сказать, что в Российской Федерации на настоящий момент существует внятная и последовательная антинаркотическая политика. Мы можем только констатировать ее отсутствие. Органы государственной власти и ряд общественных организаций дергаются — по-другому и не скажешь — от либерального

видения проблемы борьбы с наркотиками и их распространением до консервативных и, в общем-то, традиционных для нашей страны вариантов. Но четкого вектора, который был бы всем ясен и понятен, мы совершенно очевидно не наблюдаем.

Зазулин Г.В. Говорить, что этой политики нет, наверное не стоит. Дело в том что в ст. 4 Федерального закона "О наркотических средствах и психотропных веществах" говорится: "Государство ставит цель сокращать количество наркозависимых и сокращать наркопреступность". Это — норма. Это объективное существование антинаркотической политики в теории. Не надо сразу говорить, что совсем ничего нет. Кроме того, есть федеральная структура, которая, мы не будем сейчас говорить, успешна она в своей работе или нет, является сильным игроком на той стороне общества, которая выступает против наркотиков. Ведь все наше население как бы расколото на 2 половины. Есть люди, выступающие против, а есть — за. Создание мощной антинаркотической структуры в такой ситуации — сильный ход. Поэтому я думаю, что надо говорить о становлении подобной политики в России. Она уже существует, она осмысливается на федеральном и региональном уровнях, она осмысливается ветвями власти. Если нашему государству в его сегодняшнем формате всего 15 лет, то другого, наверное, и ждать было бы невозможно. В других сферах нашей жизни тоже сейчас решаются подобные проблемы. Наркополитика — это только часть целого. У нас во многих областях нет внятной политики. Что, в здравоохранении у нас есть внятная политика? В образовании у нас есть внятная политика? В сфере внутренней политики у нас еще очень много недоработок. Так что я предлагаю Алексею Валентиновичу несколько смягчить свой тезис.

Надеждин А.В. Я возражу очень коротко. Ст. 4, которую Вы цитируете, не содержит в себе никакой политики — там нет необходимых признаков и составляющих. Это просто декларативная норма, говорящая о том, что государство обязано бороться с потреблением наркотиков. В ней нет имманентного политического содержания. Также я не согласен с тем, что население расколото на две половины: желающих потреблять наркотики и тех, кто этого делать не хочет. Население, в подавляющем своем большинстве, наркотиков потреблять не хочет. А политики в то же время нет.

Зазулин Г.В. Точнее будет сказать, что общество расколото в своем отношении к потреблению.

Надеждин А.В. Общество не расколото, расколота элита люди, которые могут влиять на течение политических событий. Вот эта элита, к сожалению, расколота.

Очковский Е.А. Я хотел бы отчасти согласиться, а отчасти возразить тому, что было сказано. Я согласен с Алексеем Валентиновичем в том, что антинаркотической политики как таковой на сегодня нет. Можно, конечно, говорить о том, что она разрабатывается, но все равно реально ее сегодня нет, во всяком случае в какой-то законченной форме. Это действительно так, потому что на сегодняшний день у нас нет какого-либо документа, принятого на достаточно высоком государственном уровне, который бы декларировал, что мы будем делать, каковы наши цели, какими путями мы будем к ним идти, что из существующих на сегодняшний день подходов для нас приемлемо, а что неприемлемо, куда мы будем двигаться и так далее.

Поскольку я представляю здесь международные организации, то и примеры я буду приводить из зарубежной практики. Я это делаю не потому, что зарубежные реалии мне ближе, просто, в силу специфики своей работы, наверное, представляю этот опыт несколько в большей степени, чем все остальные уважаемые специалисты, собравшиеся здесь. Существует политическая декларация, которая была в 1998 г. принята на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной вопросам противодействия наркотикам. Российская Федерация, в числе более чем 130 других государств, также подписала эту декларацию.

Что требуется от антинаркотической политики в соответствии с этим документом? Он состоит из трех ключевых компонентов:

- сокращение поставок наркотиков на нелегальные рынки;
- снижение спроса на наркотики;
- профилактика, т.е. предупреждение употребления наркотиков основной массой населения.

Наверное, неправильно было бы говорить, что в вопросе о наркотиках наше население разделилось пополам. По общемировым данным, из всего населения только около 4% людей в возрасте от 16 до 64 лет имеют опыт употребления наркотиков. Это именно опыт употребления, т.е. человек один раз в течение последнего года попробовал наркотики. Число лиц, которые пробовали наркотики в течение последнего месяца, существенно меньше и составляет порядка десятых долей процента. Число же людей, реально страдающих наркозависимостью, составляет порядка сотых долей процента. Следовательно, говорить о разделении населения пополам некорректно. Другое дело, что та часть населения, которая отстаивает легализаторские позиции, ведет себя достаточно активно, и иногда, к нашему общему сожалению, их деятельность оказывается более эффективной, чем нам того хотелось бы. Они действуют эффективнее государственных органов, отстаивающих противоположные позиции.

Что касается нынешнего положения дел, я считаю, что процесс выработки наркополитики еще не закончен. На мой взгляд, к сожалению, он немного затянулся. Почему? Созданием новой службы был сделан огромный, полезный и очень эффективный шаг. Она заполнила некий вакуум, который мы имеем в этой области и пыгаются структурировать происходящие в ней процессы. Но в их сегодняшнем положении есть большой минус. Несмотря на то, что Федеральная служба наркоконтроля уполномочена координировать эту работу, ее роль никак законодательно не оформлена. Если мы сегодня спросим у специалиста, как распределяется федеральный бюджет, выделенный на

противодействие наркотикам в стране: сколько процентов идет на сокращение поставок, сколько процентов средств идет на профилактику и так далее, — думаю, что на этот вопрос не сможет ответить никто, даже министр финансов. Нет у нас такого понимания. У нас существует всем хорошо известная программа "Комплексные меры". Но так же всем хорошо известно, что она охватывает только те пустоты, которые образовались в результате наложения трех комплексов: профилактики, снижения спроса и снижения вреда. Она не охватывает всей деятельности ведомств, которые задействованы в противодействии наркотикам.

Ройзман Е.В. Я внимательно выслушал коллег и хочу высказать свое мнение. Я считаю, что наркополитики у нас нет. В первую очередь, это связано с тем, что у нас отсутствует задекларированная позиция государства. В частности, и все мы об этом хорошо знаем, у нас отсутствует задекларированная позиция первого лица. Она отсутствует как задекларированная вслух, она отсутствует как задекларированная в законодательстве. Например, такой момент. Создана организация, называемая "Госнарконтроль". Почему она так называется? Вот во время войны со шпионами боролась организация "Смерш" — "Смерть шпионам". Все было ясно и понятно. "Госнарконтроль" — название совершенно аморфное. И это только один из штрихов. Что касается наркополитики, того, как она формируется, то приведу один пример, в котором я сам лично принимал участие. У нас на гребне наркокатастрофы каждый третий призывник употреблял наркотики. Сейчас приводятся данные, что 4% призывников употребляют наркотики, причем это число выросло в 8 раз. У нас же, повторю, употреблял каждый третий. Военком готов был повеситься от таких результатов. В те годы у нас у всех школьников был слоган: "Кто не колется — тот лох". Его писали везде. Из школьных туалетов шприцы ведрами выгребали, и это было во всех школах. На уроках сидели обдолбанные, учителя выли, не знали, что делать. Я уже как-то говорил, что у нас не было спортивных команд ребят 1977—1980 гг. рождения — некому играть в футбол.

Мы сделали очень простой ход: поехали вместе с Сальниковым по вызовам вместе с бригадой "Скорой помощи". У нас по Центральному району было до 30 вызовов в смену к наркоманам. Сальников все это внаглую снимал. Понятно, что потом по этому поводу завывали правозащитники, но Сальников просто снимал, как выглядит передозировка в натуральную величину — лицо цвета спелой сливы, пена идет. Мы эти кадры стали ежедневно давать в эфир — самые жесткие, жестче невозможно было сделать, — ездили разговаривали по школам. Долбили в течение года, и в результате додобились до того, что у нашей молодежи появился слоган: "Кто колется — тот чухан". Слоган "Кто не колется — тот лох" был повсеместно заменен на "Кто колется — тот чухан". Это сработало, смертность от употребления наркотиков упала в 12—14 раз. Хотя ситуация продолжает оставаться очень тяжелой, у нас пошел уже пятый год, как нет ни одной детской смерти от наркотиков. Вот так вот формировалась наркополитика. Наркаторговец — хуже людоеда, все наркоманы — чуханы. Правозащитники, правда, подскуливали и подвывали, но это сработало, и огромное количество людей осталось живо.

Поэтому для меня понимание наркополитики — это жесткая, бескомпромиссная и где-то агрессивная антинаркотическая пропаганда, где первое лицо просто обязано задекларировать свою позицию. Как это может выгля-

деть? В примитивном виде — так. В какой-то момент прерываются телепередачи, и говорится, что сейчас будет выступать Президент. Мы понимаем, что это — сигнал для всех. Он говорит: я презираю наркоманов и ненавижу наркоторговцев, я не дам торговать наркотиками в своей стране, мы предпримем все усилия и так далее. Вот такое декларирование позиции. Это конечно, несколько наивно, но достаточно просто. Если же у вас будет вопрос, что сейчас предпринимает Государственная дума в этой области, то я на него кратко отвечу отдельно.

Колгашкин А.Ю. Пока у нас не сформулирована позиция первого лица, можем ли мы сказать, что у нас существует какой-то "госзаказ" на антинаркотическую продукцию? Наверное, Борис Александрович подтвердит, что снятие антинаркотический фильм сложно, но еще сложнее разместить его в эфире?

Вишняк Б.А. Как такового госзаказа не существует, мы получаем отдельные "кусочки" по линии ФАПМК. Существует также многострадальная и принятая с большим трудом Федеральная целевая программа. Все знают, что часть мероприятий, которые шли по линии профилактики в прошлом году, из-за отсутствия времени на выполнение работ совершенно логично была специальным постановлением перенесена на текущий год. Однако, по полученной нами информации, и я думаю, что присутствующий здесь господин Миронов это подтвердит, в этом году было принято решение опять не проводить конкурсы по целому ряду пунктов этой программы. Что делать — пока непонятно. Я интересовался ситуацией у господина Михайлова, он тоже ничего не может понять. Поэтому можно, конечно, назвать это госзаказом, но тут и сам-то заказ, или, точнее говоря конкурс, небольшой. Из всего, что было предусмотрено на профилактику, осталась только малая часть. Под большущим нажимом Полтавченко объявили конкурс на проведение акции, идущей с 2002 г., "Поезд в будущее". Этот конкурс всеми правдами и неправдами пытались не проводить, но после звонка Полтавченко Черкесову его все-таки объявили. Разве это порядок? Если есть Федеральная целевая программа, утвержденная постановлением правительства, и, тем не менее, для того, чтобы объявить конкурс, нужно такое вмешательство — значит и нет ничего. Это мое глубокое убеждение.

Очковский Е.А. Мне кажется, что госзаказ — это несколько другая тема, т.е. мы уже начинаем уходить в частности, переходить к обсуждению собственно реализации политики.

Вишняк Б.А. Не могу с этим согласиться. Мы же говорим о том, есть политика или ее нет. Я считаю, что появление Федеральной целевой программы — это и есть проявление политики. То есть сказали "а", а говорить все остальное никто как-то и не собирается. Получается, что "если вы настаиваете, то программу мы примем, но выполнять ее не будем".

Колгашкин А.Ю. Мне недавно попалась любопытная информация из Финляндии. Там тоже проводится федеральная антинаркотическая программа. Недавно был проведен опрос общественного мнения: знает ли о ней население. Оказалось, что об этой программе знают или тем или иным образом сталкивались с ней 35% опрошенных. Многие ли в нашей стране помнят, что у нас есть такая Федеральная целевая программа?

Вишняк Б.А. Никто о ней, кроме специалистов, не знает.

Ройзман Е.В. Если кого-то заинтересует, то у нас было специальное заседание Комитета по безопасности Госдумы по выполнению Федеральной целевой программы. Насколько я помню, там были какие-то вопросы по докладу Счетной палаты, я могу поднять стенограмму и посмотреть, какова реальная ситуация с ее выполнением. Напомните мне, и я сообщу вам эти данные.

Очковский Е.А. Если позволите, я хотел бы все-таки вернуться к изначальному вопросу: наличию или отсутствию государственной политики. Если представить наркополитику в виде круга, то его будут составлять следующие сегменты: спрос на наркотики, наличие наркотиков на рынке и профилактика. Что сегодня происходит с Федеральной программой? Она, грубо говоря, закрывает только промежутки между секторами. Все остальное она не закрывает, и никто не закрывает. Более того, на самом деле все эти сектора должны пересекаться, накладываться один на другой. В действительности же они никем не контролируются, никем не регулируются и никто не собирается этим заниматься.

Акиншин Ю.И. Вы ведете речь о финансировании?

Очковский Е.А. Нет, я веду речь о политике.

Акиншин Ю.И. Насколько я понимаю, все это в Федеральной целевой программе прописано.

Очковский Е.А. Федеральная целевая программа — это частный случай от политики. Она рассчитана на 2—3 года. Мы должны сделать нечто более глобальное. Возьмем для примера Соединенные Штаты Америки: во время работы там я специально изучал этот вопрос. Конгресс США ежегодно получает доклад от администрации о том, что конкретно сделано за истекший год, и печатаются три объемистые книжки со стратегией наркополитики на следующий год. Там существует ведомство, которое отвечает именно за разработку наркополитики — не за программу снижения вреда, не за контролируемые поставки, не за перехват на границах, а именно за политику. Это ведомство непосредственно подчиняется президенту, оно находится в аппарате президентской администрации.

А что сегодня получается у нас? Есть президент, есть его администрация, есть правительство. На следующем уровне, в числе трех десятков различных ведомств, имеется маленькая служба Госнарконтроля. Руководитель ее имеет ранг руководителя федеральной службы, но не является членом правительства. А он должен координировать работу министерств — здравоохранения, образования и прочих. Сама такая структура говорит о неясности, нечеткой обозначенности позиции первого лица и государственной политики в этой области. В США эта структура находится в администрации президента и имеет прямой доступ к президенту. Они могут давать указания и в правительство, и различным ведомствам, и куда угодно. В нашем случае Виктор Васильевич Черкесов может поставить вопрос на обсуждение, предложить какое-то решение, но не более того. Поймите меня правильно, это не наезд на Федеральную службу, к которой я отношусь с глубоким уважением, мы с ней эффективно сотрудничаем, но есть такие вещи, не говорить о которых нельзя.

Миронов А.С. Я сегодня представляю здесь Федеральную службу, которую вы сейчас критикуете. Могу сказать следующее. Политика — это интересное слово. К Федеральной службе оно прямого отношения не имеет, так как мы находимся вне политики. Перетянуть на свое поле людей разной политической принадлежности тяжело. На сегодняшний день то, что вы называете наркополитикой,

находится в стадии формирования. Как вы знаете, 13 июня была воссоздана Правительственная комиссия, председателем которой стал руководитель нашей службы Виктор Васильевич Черкесов, поэтому явно начинает прорисовываться тот ранг, о котором вы говорили. Не прошло и 3 лет, как она была воссоздана, и вы понимаете, каких усилий потребовало от Федеральной службы воссоздание комиссии, чтобы заработала вся эта схема и руководитель службы мог координировать всю профильную деятельность.

Федеральная целевая программа была первым шагом, первым этапом, так как, проанализировав все ранее действовавшие программы, мы поняли, что за 2 года, на которые они были рассчитаны, решить серьезные вопросы невозможно. В особенности это касается профилактики. Ведь, в отличие от статистики изъятий или возбуждения уголовных дел, продемонстрировать результаты профилактики на коротком промежутке времени невозможно. Поэтому мы решили делать программу на 5 лет. Ее формирование шло практически 2 года. Как только в 2003 г. была создана служба, так сразу же начала формироваться программа. Поэтому заложенные в нее деньги исходили из цен 2003 г. Когда в сентябре 2005 г. ее приняли, из 13 млрд нам оставили только 3. Это уже говорит о многом. Естественно изменились и цены, которые были заложены в технические задания под конкурсы.

Поэтому сегодня, когда мы говорим, что конкурсы не организуются, это происходит не от того, что мы их не можем организовать. Организовать конкурс — это проще простого, а вот получить эффективный результат от исполнителя, который выиграет этот конкурс или тендер, результат, за который будет не стыдно перед обществом, — вот это самое сложное. Поэтому по некоторым конкурсам просто аккумулируются деньги. Создать хороший, грамотный фильм, который бы все смотрели, с удовольствием обсуждали, становились бы на ту или иную позицию, очень сложно. Приходит к нам известный режиссер и предлагает снять классный фильм. Как мы ему дадим денег, если они у нас могут распределяться только по конкурсу? Мы ему предлагаем принять участие в конкурсе, а он, естественно, говорит: "Зачем мне принимать участие в каком-то конкурсе? Я режиссер, моя фамилия Михалков, я вам сделаю великолепный фильм". Мы же вынуждены объявлять конкурс, который выигрывает какая-то фирма. Хорошо, мы знаем Бориса Александровича Вишняка, они делают классные фильмы, но ведь не все участники конкурсов такие, как он. Некоторые просто отрабатывают деньги. Так что мы лучше придержим средства, зато потом создадим на них настоящий продукт. Что же касается "Поезда в будущее", то здесь в 2005 г. был организован конкурс, проведение этой программы было инициативой администрации Центрального федерального округа. Конкурс не состоялся не потому, что мы его не завершили, а потому, что его участник формировал комплект документов полгода и все равно подал его в неправильном виде. Так что нашей вины в этом нет, мы, наоборот, заинтересованы, чтобы этот проект заработал как можно быстрее. У меня пока все.

Ройzman Е.В. Я бы хотел вернуться к вопросу об отсутствии сколько-нибудь внятной наркополитики. Здесь собрались заинтересованные люди, переживающие за свое дело. Я не дипломат, я депутат, поэтому буду говорить то, что думаю. Госнаркоконтроль, так же как и МВД, так же

как и таможня, — ведомства, крайне политизированные, и куда мы от этого не денемся.

Вот, например, идет очень жесткий круглый стол. Все уже переругались, и тут подходит ко мне начальник ОРБ МВД и говорит: "Слушай, скажи что-нибудь по 231-му Постановлению, ты же видишь, что творится". Я отвечаю: "Скажите вы, вы же офицер!" Он продолжает: "Да вот, ты понимаешь..." Я говорю: "Не понимаю". Доходит очередь до моего выступления, я начинаю рассказывать о частичной легализации, ставшей результатом 231-го Постановления. Доходит очередь до моего собеседника, и он вдруг начинает говорить о важной роли, продуманности и полезности 231-го Постановления. Когда я позже спросил, зачем он это сделал, он просто сказал: "Ты пойми меня правильно".

Другой пример: разговариваю с первыми лицами Госнаркоконтроля, МВД, спрашиваю: необходим ли визовый режим? Говорят: конечно, мы не справляемся, этот поток нас просто захлестывает. Предлагаю сказать об этом вслух. Вы слышали хоть раз, чтобы первые лица сказали о необходимости визового режима? Выступают по миграционным делам два генерала — они нормальные мужики, я знаю их точку зрения. Я точно знаю, что они за немедленное введение визового режима, хотя бы с наркопроизводящими регионами — Таджикистаном и Кыргызстаном. Но они же об этом не скажут вслух. Дальше. Мы разговариваем с людьми, все высказываются за пожизненное заключение как своеобразную декларацию позиции государства, но ведь официально это не поддерживается. Для чего требуется позиция первого лица государства? Все о чем-то говорят, но это так и остается разговорами. Как только первое лицо государства скажет: "Мочить в сортирах", — так сразу и начнут мочить. Конечно, будут издержки, но с ситуацией мы справимся. А так куда мы не денемся — ведомство политизировано и поэтому нам необходима позиция государства в лице его президента.

Надеждин А.В. Вы знаете, по-моему мы уходим от понятия политики, и нарисованная Евгением Анатольевичем картина с кругом и секторами — это не политика, а предельно формализованный алгоритм действия. Политика — это область мышления, это парадигма, это нечто имманентное, что должно присутствовать в деятельности государственных структур, реализующих, простите за тавтологию, те или иные действия. Формальная структура, предложенная господином Очковским, едина для любой области действия. Не только для борьбы с наркотиками, но и для подавления любого негативного явления. Мне так же хотелось бы задать следующий вопрос: так уж ли мы правы, говоря о политике и все время заваливаясь в сторону Федеральной службы наркоконтроля? Федеральная служба по контролю за наркотиками — это достаточно скромная организация, которая решает прежде всего силовые вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков, и то не полный их спектр. Компонентом профилактики, пусть не обижается на меня Алексей Сергеевич, занимается очень небольшое число лиц из 40-тысячного штата ведомства. Поэтому, говоря о политике, мы не можем возлагать задачу ее формирования на Федеральную службу по контролю за наркотиками.

Миронов А.С. Прежде всего потому, что это — правоохранительный орган.

Надеждин А.В. Согласен.

Очковский Е.А. Я с вами полностью согласен.

Миронов А.С. Вот я и говорю, что политику должен формировать политический орган.

Акиншин Ю.И. Для этого и создана правительственная комиссия.

Очковский Е.А. Комиссия — это исполнительный орган.

Акиншин Ю.И. Комиссия вполне может разработать эту политику.

Миронов А.С. В первую очередь, комиссия сейчас займется вопросами реализации действующего законодательства, потому что есть законы, которые просто не работают. Во всяком случае это будет эффективно для координации. В комиссию входят первые лица министерств, и им легче будет принимать решения.

Очковский Е.А. С точки зрения координации о таком механизме можно только мечтать. Но это механизм координации. Это не орган, вырабатывающий политику. Когда мы говорим о правительственной комиссии, то само слово "правительство" нас отсылает к исполнительной ветви власти. Политика — это совершенно другой уровень.

Миронов А.С. Политическую волю комиссия вполне может закрепить. Что же касается 231-го Постановления, то Госнаркоконтроль был одной из немногих организаций, выступавших против. Я еще скажу так: мы не имеем права критиковать уже изданные постановления, мы их выполнять должны. Именно поэтому человек в погонах не может с трибуны Государственной думы критиковать постановления правительства. Он должен его выполнить. Он сделал все, чтобы его не принять, но его приняли. Но я благодарен вам за то, что с вашей помощью, Государственной думы, мы его отменили. За это большое спасибо.

Ройзман Е.В. Вот об этом и речь.

Миронов А.С. У нас не политизированное ведомство, просто мы по статусу не можем действовать по-другому.

Ройзман Е.В. Политика — это отношение государства к происходящему. Может быть, я просто неправильно выразился, но у вас просто связаны руки. Но, чтобы не подставлять свое ведомство, вы вынуждены многого не говорить. Корпоративная этика и тому подобное. Если вас спросить: вы все за визовый режим, но вслух об этом не говорите. А когда открыли границу для жителей наркопроизводящих регионов, если бы вам задавали вопросы, вы бы потупились, но волей-неволей вынуждены были бы на них отвечать.

Зазулин Г.В. Мне бы хотелось немного обобщить. С чего началась наркополитика в нашем государстве? Она началась с концепции 1993 г., первого документа, в котором государство теоретически обозначило направления, по которым оно собирается работать, в том числе и создать комитет, который мы сегодня имеем, хотя, может быть, и не совсем в том формате, который предусматривался. Затем следует назвать еще ряд документов.

Я часто перечитываю стенограммы парламентских слушаний, ряд присутствующих здесь специалистов принимали в них участие. Первые состоялись в 1998 г., затем были прекрасные слушания 2001 г., на которых, в частности, говорили о необходимости создания банка данных. Смотрите, сколько прошло времени, прежде чем мы получили постановление правительства о создании подобного общенационального банка.

Еще будучи операми, где-то в 1990 г., мы мечтали об офицерах по связи. Сейчас выходит указ Президента, вводящий 50 офицеров по связи, без которых бороться с поставками очень трудно. Нельзя перекрыть спрос, не имея

своих представителей там, откуда идет поток наркотиков. Видите, какое запаздывание? Создание комитета предусмотрено концепцией 1993 г. — он возникает с опозданием на 10 лет. Вот она, сегодняшняя российская тягомотина. Положительные вещи озвучиваются, но воплощаются очень медленно, на промежутке в 10—15 лет.

Мне кажется, что наркополитика, если провести аналогию с природой, — это выход государства на "клеточный" уровень. Ведь болезнь начинается именно с поражения отдельной клетки. Сначала заболевает она, затем орган, а потом и весь организм. Что является "клеткой" на государственном уровне? Муниципальное образование. И действительно, в первый раз мы прокололись на 231-м Постановлении, а во второй раз — на законе о разделе полномочий между регионом и муниципальным образованием. Почему прокололись? Потому что мы не записали, что за ситуацию с наркотиками отвечает именно муниципальное образование. Практически сегодня любой мэр может заниматься профилактикой, а может и не заниматься. Я это очень остро чувствую, потому что мне известны два муниципальных образования, где есть структуры, которые специально занимаются этими вопросами. Особенно яркий пример — это Пермь, где вопрос профилактики курируется заместителем мэра, который осознал, что эта проблема требует территориального управления из единого центра с помощью программно-целевых технологий. Если бы этот опыт стал популяризоваться, распространяться на другие муниципальные образования, пошло бы только на пользу делу.

Так что сегодня чрезвычайно важно осмыслить, чем является антинаркотическая политика на уровне "клетки". Это может стать большим шагом вперед в выработке общегосударственной политики. Тогда и на уровне субъектов федерации будет понятно, что надо делать. Ведь что такое субъект? Вот пермский губернатор принимает указ "О неотложных мерах по профилактике наркомании". Многие попрекают его в том, что он это сделал неконституционно. Он вложил туда 85 млн. Я же думаю, что это и есть первые ростки в становлении региональной антинаркотической политики. Я рассматриваю это именно так. Это вовлеченность в решение проблемы ветвей власти. Я даже о судебной власти не боюсь говорить, потому что она — тоже часть российского государственного аппарата, третья его часть. Вот отстранили 40 судей от работы, а может быть именно они своими действиями свели на нет всю работу других государственных структур? Почему я не могу понимать, какова их задача в противодействии всему тому, что происходит с обществом? И когда я говорю, что общество разделено не по потреблению, как здесь совершенно справедливо было замечено, а по позиции, причём порой неосознанной, но все принадлежит к тому или другому лагерю. Это позволяет легко находить критерии того, кто усиливается в той или иной ситуации.

Меня очень насторожил один момент. Некоторое время тому назад планировали провести заседание Государственного совета с повесткой дня: "О состоянии антинаркотической работы в субъектах Федерации и мерах по ее усилению". Телеграмма об этом пришла к нам в Смольный где-то весной 2004 г., а сам Госсовет намечался на осень 2004 г. Не провели. Значит кто-то не готов. Если не готовы те, кто против наркотиков, я это только приветствую. Пусть накапливают силы, чтобы провести хорошее мероприятие. Если же это не дали провести те, кто выступает за наркотики, тогда то, что манипуляции идут на та-

ком уровне, просто ужасно. Но сама постановка вопроса очень грамотна. Она, в первую очередь, затрагивает не правоохранный, а территориальный аспект. Ведь у нас органы власти делятся на отраслевые и территориальные. Сегодня какую программу субъекта ни возьмешь, отраслевые органы, работающие при правительствах, находящиеся ближе к деньгам, и являются основными исполнителями этих программ. Территориальные же органы, которые находятся ближе к населению (если мы, например, возьмем питерскую ситуацию) вообще не могут принимать участие в реализации этих программ. Разве это не перекося? Кто-то же должен это осмысливать и устранять? Политика реализуется, это я вам показал на примерах с банком данных и офицерами по связи, но время уходит. Создается ФСКН — я жду создания экспертного совета. Три года я жду, чтобы войти в этот экспертный совет и отдать ему свой потенциал. Скажите честно, почему это не получается? Ведь мы же, наверное, не глупости бы говорили, наши заключения обладали бы определенным весом. Мы бы могли реализовать общественное участие в формировании политики, апеллировать к политикам. Но ведь нет такой структуры, а она выступала бы против наркотиков!

Миронов А.С. Наверное, вы неправильно понимаете суть структуры этого совета. Экспертный совет не влияет на политику, а дает оценку каким-то проектам в сфере борьбы с наркотиками силами работающих в нем специалистов. А вот с этим у нас как раз проблемы. Специалистов много, но большинство из них политизировано, прежде чем войти в совет, они начинают выяснять, кто будет сидеть рядом. Это не общественный совет. Вот в общественном совете собираются люди, представляющие разные спектры мнений, и они должны выработать какую-то политику. А экспертный совет должен предлагать решения с точки зрения той же Федеральной целевой программы, качества ее исполнения. Если, опять же, говорить о структурной составляющей политики, в регионах уже начали действовать межведомственные антинаркотические комиссии. Они работают вплоть до районного уровня. Там, где глава администрации или руководитель органа исполнительной власти понимает свою ответственность, он эту работу и организует. Я сейчас приехал из Белгорода, так там, уже начиная с февраля, руководители межведомственных комиссий приступили к профилактической работе в рамках операции "Мак", направленной против дикорастущих наркотикосодержащих растений и их незаконного выращивания. Ведь сейчас уже ничего дикорастущего не осталось, всякий клочок земли кому-то да принадлежит. Когда представители межведомственной комиссии уже в феврале приходят к землевладельцу и под расписку знакомят его с соответствующими документами, он сразу идет косить. Пока вся работа ведется только на словах, результата она не дает. К чему я это говорю? Где межведомственными комиссиями руководят губернаторы и органы исполнительной власти, там они начинают работать.

Ройзман Е.В. Вы сейчас говорите о роли первого лица, губернатора. Там, где он каждый день держит это на контроле, там и работа идет.

Зазулин Г.В. Комиссии возникли в 1994 г. Я даже помню, что первым председателем комиссии на правительственном уровне был Шахрай. Они умерли, когда началась административная реформа, в 2004 г. Но, хотя они были созданы в половине субъектов, защитить страну от

наркоэпидемии им не удалось. Кто изучал их работу? Почему они не защитили страну? Почему они даже себя не смогли сохранить? Они сами были ликвидированы, но мы теперь почему-то верим, что благодаря ФСКН эти комиссии станут другими. Дай Бог, давайте в это верить. Но одной верой жить нельзя, надо же и просчитывать.

Миронов А.С. Теперь эти комиссии возглавляются вице-губернаторами по социальным вопросам. Как они их возглавляют, так они и работают. Мы же сейчас, со своей стороны, анализируем их работу, даем соответствующие рекомендации. Потому что, действительно, есть регионы, в которых эта комиссия за год не провела ни одного заседания. Тем не менее, комиссия создана. Тогда зачем она такая нужна?

Очковский Е.А. А где-то два-три заседания, а результата все равно нет.

Зазулин Г.В. Здесь очень много комплексных вопросов. Вот что, например, было в Питере, когда пришел героин? Губернатору Яковлеву сообщили об этом, представили списки школьников, студентов, военнослужащих, задержанных с героином. У нас была очень удачная возможность с помощью этих данных показать, что ситуация в городе претерпевает качественные изменения. Он повернулся к вице-губернатору по социальному блоку, отвечавшему за комиссию, и спросил, в чем дело. Вице-губернатор спокойно ответил, что у него этих комиссий 17 штук. Вот уровень работы в субъекте! Поэтому я не стал бы обольщаться. Люди с соответствующим статусом и должностями собираются и, как бы на общественных началах, принимают некие документы. А кто по ним работать-то будет? Зачастую работа строится на том, что просто собираются и обобщаются сведения из ведомств.

Ройзман Е.В. Все, о чем вы говорите, возвращает нас к вопросу, с которого мы и начали нашу сегодняшнюю встречу. В нашей стране отсутствует внятная наркополитика, отсутствует позиция государства. Если бы была четкая позиция первого лица и четкая позиция государства, то и губернаторы бы за этим по-другому следили. Обосновать это можно элементарно. На конференции в храме Христа Спасителя я вынужден был наскиску делать доклад, в котором показал, какой ущерб наносит наркомафия и наркоторговля стране. Просто для справки. Мне удалось получить сведения за 2005 г. по смертности от наркотиков. С 2003 по 2004 гг. смертность по стране увеличилась в 1,62 раза, но при этом в Питере в 3 раза, в Калининградской области — в 3,6, в Москве — в 3,5 раза, у нас в Екатеринбурге — тоже в 3,5 раза. В 2005 г. по сравнению с 2004 г. — в 1,4 раза. Средний возраст погибших — в пределах 25 лет, 9 из 10 умерли от героина. Каждая десятая смерть от употребления психотропных веществ. Так что мы имеем нарастающую динамику. При этом должен сказать, что цифры эти получать очень трудно. Только через 5 мес. после окончания года удалось все подсчитать. Вот что мы имеем на сегодняшний день.

Зазулин Г.В. Апеллируя к позиции первого лица, не ставим ли мы себя в зависимость от того, с какими политическими воззрениями будет приходиться к власти президент страны? Борис Федорович помнит, как президентом в 1996 г. было наложено вето на закон о наркотических средствах, затормозившее его принятие на 2 года. Первое лицо должно продекларировать свою позицию — ради Бога, я только "за". Но, в то же время, я думаю, что нельзя связывать политику только с позицией первого лица. Она должна иметь какое-то собственное существо-

вание. Иначе мы становимся заложниками политических взглядов президента. Вон где-то в Прибалтике пришел к власти музыкант Ландсбергис и сказал, что политику надо проводить по-другому. Что, и у нас так будет? Политика — это ведь политико-правовой механизм заставления всех работать на одну цель.

Очковский Е.А. Это прописывание того, что государство хочет добиться, какие оно ставит перед собой цели и какими средствами оно пытается этого добиться. Извините, что перебиваю, но мы говорим об одном и том же. При этом мы уже не в первый раз путаем понятия, и поэтому наш спор получается несколько беспредметным. Мы приводим примеры того, как должен вести себя губернатор или как должно вести себя государство. Хочу еще раз подчеркнуть: правительственная, республиканская, государственная комиссии — это не политика, это исполнительный механизм. Позиция первого лица очень важна, но я полностью согласен с Георгием Васильевичем в том, что одной позиции тут недостаточно. Наряду с этим должен существовать какой-то государственно-правовой документ или механизм, формирующий структуру, существующую вне зависимости от политических воззрений того или иного лидера. Я опять возвращаюсь к той мысли, что политика должна вырабатываться политическим органом, стоящим над исполнительным органом.

Ройзман Е.В. К тому, что вы сказали, я хочу добавить, что политика должна вырабатываться с учетом мнения населения и отношения населения к происходящему. У нас, слава Богу, отношение населения к происходящему практически однозначное. Имеет смысл на это опереться, потому что президенту, на мой взгляд, надо транслировать волю народа.

Очковский Е.А. Кроме того, надо опираться на знание фактической ситуации, реальных данных, которых, к сожалению, мы на сегодняшний день не знаем. Мы не знаем, что у нас творится с наркопотреблением. Мы не знаем масштабов, мы не знаем структуры наркопотребления.

Зазулин Г.В. Мы не знаем, кто политику вырабатывает. В федеральных структурах есть много вещей, которые не позволяют открыто говорить о проблемах.

Очковский Е.А. Мы уже договорились о том, что Госнаркоконтроль принципиально не может вырабатывать этой политики, так как является правоохранительной службой. Она должна исключительно выполнять свои задачи, хорошо перекрывая наркотоки. Это ее задача.

Зазулин Г.В. В указе Президента поставлены две задачи: координация и политика. Давайте их и обсуждать. Когда я начинаю анализировать, что такое координация, т.е. взаимосвязь функций управления, то я не вижу, как это может работать в сегодняшней ситуации в рамках комиссий. Координация подразумевает не только планирование, но еще и организацию, т.е. здесь кто-то должен работать каждый день. Мотивация и контроль — это необходимые элементы координации в любом аспекте управления.

Надеждин А.В. Георгий Васильевич, это не политика, а общие принципы управления. С помощью такой схемы может реализовываться любая политика. Кстати, обратите внимание на любопытный момент: у нас представители международных организаций смыкаются в своем понимании слова "политика". Но у нас нет позиции. Мы не знаем, в каком направлении реализовывать совершенно великолепно прописанную вами схему.

Зазулин Г.В. Есть ст. 4 Федерального закона.

Надеждин А.В. Ее можно реализовывать по-разному. Существуют разные подходы к этому вопросу: в Швеции один, в Голландии другой, в Мексике третий.

Очковский Е.А. Четвертой статьи, к сожалению, недостаточно. Она должна быть расширена и детализирована до самого низкого уровня. Она должна в деталях описывать, кто, что, как и почему должен делать, каковы должны быть индикаторы эффективности работы. Скажите мне, как нам сегодня оценить работу того же Госнаркоконтроля? Эффективно прошел год или нет, каковы индикаторы?

Ройзман Е.В. Сегодня Госнаркоконтроль попал в очень сложное положение. Он вынужден лавировать. Я видел, как на правительственный час в Думу приходят очень достойные люди и говорят: "Да, в настоящий момент обстановка сложная, но ситуация стабилизируется". Так что вы совершенно правильно замечаете, что у нас нет единых критериев оценки ситуации. Госнаркоконтроль рапортует, что там-то они изъяли тонну, там-то десять тонн. Но здравомыслящие люди понимают, что такие количества наркотика изымаются только там, где им торгуют. Где им не торгуют, таких изъятий не происходит. Я как простой гражданин, отец троих детей, считаю, что единственный настоящий показатель работы — это пошла смертность вниз или она пошла вверх. Если смертность идет вверх, значит надо бить тревогу, называть вещи своими именами. Если смертность пошла вниз, значит мы все делаем правильно и надо увеличивать интенсивность этой работы. Так что основной критерий: умирают у нас от этого люди или нет.

Миронов А.С. Евгений Вадимович, я вам сразу скажу, что в некоторых регионах смертность сейчас пошла вверх, и я объясню вам, почему. Вот изъяли мы, например, в каком-то регионе 200 кг героина. Это пайка на несколько лет. Смертность возросла, поскольку наркоманы вылезли наружу и начали жрать все подряд из-за того, что героин стало невозможно купить. Когда изъятия увеличились, они вес убрали, а содержание героина в нем увеличили, поэтому смертность тоже увеличилась. Раньше человек провозил афганский героин. Теперь его стали обнаруживать. Человек думает: зачем ему провозить килограмм? Он берет себе 500 г, а содержание героина в них увеличивает, чтобы в итоге получить ту же сумму денег, потому что цена этого героина увеличивается в 2—3 раза.

Ройзман Е.В. Как только вы сработали, весь героин, который остался, начинают буторить. Они мигмом почувствуют, что вы сработали. Как только идет разбодяженный героин, смертность снижается. Как только снова появляется чистый героин, смертность снова подсакивает. Здесь ничего нового не изобретешь. От синтетики смертность не столь высока, как от чистого героина.

Надеждин А.В. Нет, от метилфентанила смертность очень высокая. Выше, чем от героина.

Ройзман Е.В. Но его нет в таких количествах, как героина. Основная смертность в стране — от героина.

Надеждин А.В. Да. Во-первых, триметилфентанил на нашем рынке очень редок, а во-вторых, лабораториями судебно-медицинской экспертизы он очень просто детектируется как причина смерти, отделяясь в биологических образцах от героина.

Чалая И.И. Я понимаю, что тема сегодня заявлена достаточно высокая и глобальная, но мне немного хотелось бы спуститься на нашу грешную землю.

Надеждин А.В. Мы о политике-то по большому счету не говорим. У нас, с одной стороны, принимается 231-е Постановление как яркий пример гнилой либеральной политики. С другой стороны, силовые ведомства протаскивают какие-то свои ведомственные нормы, ужесточающие подходы.

Очковский Е.А. Из-за отсутствия четкой политики мы шарахаемся то вправо, то влево.

Надеждин А.В. При чем политика очень часто является заложником деятельности различных структур, которые работают в стране, что хотят.

Ройзман Е.В. Кто в Кремль зашел, тот и определил политику. Вот соросовцы сумели пробиться, и мы получили 231-е Постановление и вспышку смертности.

Чалая И.И. Евгений Вадимович упомянул очень важное слово “население”. Что думает население, общественность — есть у нас антинаркотическая политика или нет у нас такой политики? Как проводят в жизнь эту идею средства массовой информации? Активизировали ли они в последнее время антинаркотическую пропаганду и профилактику? Хорошо, сайт “Нет — наркотикам” работает активно. А телевидение? “Кома”, “Опасная зона”. Вот две наши программы. “Кома” идет поздно ночью, якобы для наркоманов, хотя они, конечно, в это время заняты другим. А что еще? Где пресса? Где публицистические материалы на ту тему, которую мы сейчас обсуждаем? Наверное, это все-таки не задача ФСКН, но в какой-то степени это была задача и конкурса, три года проводившегося в Геленджике. Когда Вы, господин Миронов, говорили о конкурсе, правда, почему-то обращаясь к Борису Александровичу, Вы говорили не о творческом конкурсе. В первую очередь, Вы имели в виду распределение финансов на конкурсной основе. В то же время у вас в программе заложен творческий конкурс среди средств массовой информации.

Миронов А.С. Да, конкурс в программе заложен, но около этого пункта стоит звездочка. Это значит, что о его проведении должно быть принято специальное постановление правительства. Как только оно будет принято, мы на следующий же день все организуем.

Чалая И.И. Тем не менее, программа была принята 13 сентября 2005 г. Сколько времени уже прошло!

Миронов А.С. Докладываю, что осталось согласовать вопрос только с Минэкономразвития, и все будет готово.

Чалая И.И. Мы можем говорить об этом, потому что значительная часть присутствующих здесь людей занималась организацией и проведением этих конкурсов. Ведь это был не просто конкурс, а семинар-конкурс. И он действительно привлекал журналистов из разных субъектов нашей Федерации. В работах поднимались очень серьезные темы. Доходило до того, что журналистов, которым мы давали первые премии, чуть ли не сажать хотели — помните материал из Пыть-Яха? Сейчас формат конкурса расширен, туда, наряду с электронными, включены и печатные СМИ, так что пласт получается малоподъемный. Ведь если в конкурсе заявляется, что есть 3 приза — первый, второй и третий, — а делить их надо между всеми электронными СМИ, то что же делать? Один приз дать телевидению, второй радио, а третий Интернету? А что лучше? То же самое и в печатных СМИ. Так что задача поставлена и не решена. А задача очень важная. Здесь собрались люди, достаточно компетентные, чтобы понимать, что политику в массы проводят именно средства

массовой информации. И от того, как они это сделают, как они все преподнесут, и будет зависеть успех.

Надеждин А.В. Трагизм ситуации заключается в том, что на сегодняшний день среди всех российских средств массовой информации единственным профессионально работающим в области наркополитики является сайт “Нет — наркотикам”. Не считите это за комплимент организаторам совещания, но это на самом деле так. Назовите еще одну газету, передачу, программу, которая бы концентрировала у себя обсуждения и полемику по этому вопросу. Только сайт “Нет — наркотикам”. Единственным конкурсом, который реально повышал уровень профилактических антинаркотических программ, был конкурс в Геленджике. Оба эти проекта относятся к Федеральному агентству по печати. В остальном мы видим вакуум, и попробуйте, уважаемые коллеги, опровергнуть мое утверждение.

Зазулин Г.В. Более того, когда думаешь, какое имеется количество ресурсов, для того чтобы усилить позицию людей, которые против наркотиков, то видишь их огромное количество. Но к кому идти с конкретными предложениями, совершенно непонятно. Давайте рассуждать просто. Без ФСКН ужасно. То, что эта организация не идеал, тоже понятно. Указ Президента ставит перед ФСКН 6 задач: четыре правоохранительные, одну управленческую и политическую. Как ни крути, а все-таки это политика, она так и сформулирована: “разрабатывать и участвовать в реализации”. Личного состава на все 6 задач — 40 тыс. Но на 2 задачи — 1% от общего количества, т.е. на 33% процента задач — 1% личного состава. Эта структура загнется и не сможет отработать. Я очень переживаю за 400 чел., которые сегодня осуществляют эти управленческие и политические функции в ФСКН.

Надеждин А.В. При чем неподготовленные и не имеющие специального образования.

Зазулин Г.В. Никем не подготовленные и никем не усиленные. Я и в институт повышения квалификации хожу, чтобы поддержать этих людей, вдохнуть в них какую-то энергию и сказать, что их деятельность очень важна. Дальше все равно произойдут какие-то изменения. Эта структура либо трансформируется во что-то, либо займется. Мы должны сделать все, чтобы не “завяла” идея влияния на ситуацию политическими и управленческими технологиями. Почему я упорно употребляю слово “политика”? Потому что именно здесь борьба за мировоззрение. Зная, куда еду, я специально взял с собой текст решения нашей Окружной антинаркотической комиссии. Кстати, тоже интересный вопрос. Из семи округов только в двух—трех работает Окружная антинаркотическая комиссия. Но ведь они созданы при полномочном представителе Президента — и это как раз и есть элемент первого лица. Когда Клебанов, а это политик крупного масштаба, проводит совещание по вопросам использования потенциала средств массовой информации, повышения эффективности антинаркотической пропаганды, состояния и развития института социальной рекламы, и сидят вице-губернаторы субъектов и мотают на ус, фиксируют сроки исполнения принятых на совещании решений, я вижу становление антинаркотической политики. Хотя я также вижу и то, что мы проигрываем, поскольку СМИ не реализуют свой потенциал. Последнее замечание. Меня очень порадовал пункт четвертый решения комиссии — он просто упреждающий. В нем сказано, цитирую: “Управлению Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуника-

ций и охране культурного наследия по Северо-Западному федеральному округу (В.А. Калинин) представить в Департамент по взаимодействию с правоохранительными органами аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе предложения об участии представителей Росохранкультуры РФ в процессе регистрации и выдаче прокатных удостоверений на кино- и видеопroduкцию Министерством культуры Российской Федерации", — т.е. не просто потом смотреть какой-нибудь фильм и говорить, что в нем плохого, а просто не допускать эти фильмы в прокат.

Надеждин А.В. Георгий Васильевич, это технология. Вы все правильно говорите, но это технология.

Ройзман Е.В. Коллеги, буквально два слова. Самые яркие примеры позиции государства. Это, конечно же, Япония. В 50-е годы их просто захлестнули наркотики. Они мобилизовали всех, сказали, что это позиция государства, и за два года все искоренили. Мало того, инерция этого решения была такова, что у них до сих пор человек, который употреблял какие-либо наркотики, не имеет шансов ни на какую должность. Того же Марадону, например, просто не пустили в Японию. Вот это позиция государства. Японцы себя спасли. Пример Китая. Говорят, что он не однозначный. Однозначный или не однозначный, но они показали всем, что с этим можно бороться. А Китай, как вы все помните, просто заваливали опиумом, уничтожали нацию.

Очковский Е.А. А что, разве они переломили ситуацию? Коллеги, не надо преувеличивать.

Ройзман Е.В. Конечно переломили. Они уменьшили число наркозависимых с 20 млн до 600 тыс. Поверьте, такие цифры снижения — это очень серьезно. С этого пример надо брать. А пример либерального подхода, но очень последовательного, — это Швеция. Два постулата: запрет и контроль. И опять же, у человека, связанного с наркотиками, нет никакого шанса. Немного другая позиция в Испании. Там можно, например в Валенсии, купить кокаин. Но человек, хоть раз на этом попавшийся, тоже не имеет шансов. Вот это и есть позиция государства. Она может быть такая, может быть другая. Но если это последовательная позиция, то мы все увидим результат не послезавтра, а уже завтра. В папках, которые я вам всем раздал, имеется анализ мирового опыта совершенствования антинаркотического законодательства. Все известные случаи ужесточения наркополитики приносили положительные результаты, и, наоборот, все случаи либерализации и даже просто разговоров о легализации приводят к обратному. Мы специально изучали этот вопрос, и, если я не ошибаюсь, это в свое время делал и ЕСАД.

Надеждин А.В. Я бы дополнил Евгения Вадимовича короткой ремаркой. Китай — это ведь не только пример успешной наркополитики и борьбы с наркотиками. Китай — это еще яркий пример классической политико-экономической агрессии с использованием наркотиков, которую осознанно осуществляли западные страны против огромного государства.

Миронов А.С. Вы знаете, некоторые законы, которые сейчас действуют в Китае, очень сильно и положительно влияют на соседние с ним наши регионы — в Хабаровске просто так уже просто бояться слетать в Китай, потому что знают, что там смертная казнь.

Ройзман Е.В. Вы подметили очень важную вещь. Введение смертной казни в Иране отстояло нам Армению и Грузию.

Колгашкин А.Ю. И вот здесь мы как раз логически переходим к вопросу "а что же наша Государственная дума"? Какие законы готовятся в недрах этого уважаемого органа государственной власти?

Ройзман Е.В. Не так давно на рассмотрение был внесен законопроект о пожизненном заключении за торговлю наркотиками. Это ч. 3 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Его поддержал Верховный суд. Это мой собственный законопроект, предусматривающий ужесточение наказания вплоть до пожизненного заключения. Я написал, что тем самым будет задекларирована позиция государства по данному вопросу.

Второе. Поверьте, что в любом цыганском поселке и в любой таджикской общине мониторят общественное мнение и тем более Уголовный кодекс. Это подействует на всех. Тем более мы знаем о том, что у нас существуют семьи, которые торгуют по 10—15 лет, они всем известны, но с ними ничего не происходит. Это очень важный законопроект. Его поддержали также Генпрокуратура, Комитет по безопасности. Против — Правительство Российской Федерации, ГПУ, и сейчас проект готовится на отклонение в комитете по законодательству. Но, тем не менее, внесен параллельный законопроект, в котором учтены ошибки предыдущего, и мы попытаемся его "протаскать".

Очковский Е.А. Евгений Вадимович, вопрос можно? Я хочу уточнить за что предполагается ввести пожизненное заключение? Только за торговлю?

Ройзман Е.В. Это — наркоторговля в составе организованной группы лиц, продажа наркотиков заведомо несовершеннолетним и с использованием служебного положения. Меня удивило, что МВД выступает против.

Миронов А.С. Евгений Вадимович, если бы Вы начали с того, что известное 231-е Постановление Правительства РФ отменили, то я думаю, Вам можно было уже больше ничего не говорить.

Ройзман Е.В. Я напомним, как это было. Мы натерпелись все. Наш комитет вышел в Госдуму с требованием немедленно отменить. Дума приняла обращение к правительству с требованием немедленно отменить это Постановление. Правительство не отреагировало. Мы несколько раз обращались к Генеральному прокурору. Наш комитет, Госнарконтроль, мы все в этом участвовали. Слава Богу, что Постановление отменили. И мы видим, что кривая смертности уже не растет.

Надеждин А.В. По поводу 231-го Постановления Правительства РФ ситуация была трагикомична. После его принятия, буквально через две недели, на всю страну нашлось только 3 человека, которые выступили против. Это генерал Михайлов, депутат Ройзман и нарколог Надеждин. Все. И тишина.

Очковский Е.А. Это отчасти свидетельствует о том, что вопрос на самом деле не столь однозначный, каким он кажется с первого взгляда.

Надеждин А.В. Мы собрали десятки тысяч смертей. Он однозначный.

Ройзман Е.В. Я вас ставлю в известность: сейчас, когда мы получили цифры и данные экспертиз и начали смотреть — после того, как талибы снизили производство героина в 2001 г. и как только в Афганистан зашли американцы, производство выросло в 80 раз. При чем Хохлов

приводит одни цифры, DEA — другие цифры, но тем не менее, как только зашли американцы — пошел рост. Американцы всегда считали, что этот героин до них не дойдет. Но он дошел. Возмутились англичане, что у них появился героин из Афганистана, а ведь раньше его там не было. Сегодня у нас подготовлено письмо Комитета по безопасности министру иностранных дел, в котором мы показываем, что с того момента, как пришли американцы, рост производства героина в Афганистане увеличился. Мы обращаемся к Лаврову, чтобы он вышел на заседание министров "Большой восьмерки" с предложением включить этот вопрос в повестку дня. Мы также готовы выйти на Думу и попробовать сделать обращение по этой ситуации к парламентам других стран, которых эта проблема также касается. Ведь все знают, что на территории Афганистана производится 90% мирового героина. Неужели мировое сообщество не сможет с этим справиться?

Очковский Е.А. Я хочу развить ваш тезис. 26-28 июня в Москве состоится Международная конференция на министерском уровне по вопросам противодействия угрозе контрабанды наркотических средств из Афганистана. На нее приглашено 50 иностранных делегаций, включая, естественно, всю "восьмерку", 26 международных организаций, таких, как ВОЗ, Интерпол, Европол, UNAIDS, наше управление и так далее. В течение трех дней предстоит обсуждать афганскую проблему. Инициатива данной встречи родилась три года назад в Париже, когда Франция председательствовала в "восьмерке". Они собрали у себя в столице такой форум для того, чтобы подумать, что делать, поскольку на самом деле проблема Афганистана не так проста, как она кажется на первый взгляд. Многие говорят: давайте зальем все напалмом и решим проблему. Но не зальем и не решим до тех пор, пока не сможем обеспечить афганским крестьянам нормальное существование и работу по другим, легальным направлениям. Так вот, в 2003 г. был разработан план действий под названием "Парижская инициатива". В рамках этой инициативы международными донорами были выделены определенные средства, разработана куча разных проектов, начиная от альтернативного сельскохозяйственного развития региона и заканчивая специальными правоохранительными операциями, контролируемые поставками и так далее. И вот прошло 3 года. 26 июня люди соберутся, будут работать эксперты для того, чтобы оценить, что удалось сделать, а что нет. 28 числа собираются министры, прежде всего "большая восьмерка", и будут приняты какие-то политические декларации. Это в порядке информации и в развитие нашей дискуссии.

Надеждин А.В. Евгений Анатольевич, можно вопрос? Уже 3 года в медийном сообществе циркулирует, со ссылкой на какие-то мифические отчеты Интерпола, следующее утверждение: наркотики в Западной Европе после входа американских войск в Афганистан стали распространяться как раз вокруг баз, куда приземляется американская военно-транспортная авиация. Насколько это верно или неверно?

Очковский Е.А. Дело в том, что та аналитика, которой занимается Организация Объединенных Наций, носит глобальный характер. Мы оперируем сведениями, которые нам предоставляют правительства в рамках своей отчетности.

Надеждин А.В. Вы не можете как подтвердить, так и опровергнуть эту информацию?

Очковский Е.А. Не можем, потому что мы можем говорить о тенденции, скажем, в какой-то стране в национальном масштабе, а вот вокруг базы или вокруг школы мы этого не знаем. Нам, естественно, об этом никто не сообщает.

Надеждин А.В. Еще один короткий вопрос. Вот та концепция, когда пытаются внедрять вместо, допустим, мака или коки другие сельскохозяйственные культуры и обеспечить население гарантируемым заработком, — это достаточно старая идея, которую уже на протяжении 15—20 лет пытаются реализовать в Латинской Америке. Например, в Колумбии она полностью провалилась.

Очковский Е.А. Я отвечу на этот вопрос. Во-первых, она не провалилась. На протяжении последних 8—10 лет там не отмечено серьезного изменения в объемах производства коки.

Надеждин А.В. Бомбят плантации американские ВВС.

Очковский Е.А. И плантации бомбят, но в то же время они выращивают какао, бананы и другие культуры. Американцы вкладывают большие деньги в сельскохозяйственное развитие, в строительство дорог, овощехранилищ, холодильных установок и т.д. Это определенная помощь фермерам. Это первое. Теперь второй момент — Лаос. Во Всемирном докладе о наркотиках за 2006 г. в качестве примера приводится Лаос, где сокращен объем производства опиума на 84%.

Надеждин А.В. Это с какого года?

Очковский Е.А. Сейчас точно не назову, но, по-моему, с 2000 г.

Надеждин А.В. Все очень просто. Они не выдержали конкуренцию с дешевым афганским героином.

Очковский Е.А. Не согласен. Что же, Таиланд и Мьянма выдержали, только Лаос не выдержал?

Ройзман Е.В. И они не выдержали. Производство героина падает везде, кроме Афганистана.

Очковский Е.А. Оно падает не только потому, что они не выдержали конкуренции. Дело в том, что у "золотого треугольника" очень специфический рынок, на который афганский героин практически не поступает. Сейчас Лаос занимает примерно 0,4% мирового производства опиума, в то время как 30 лет назад его доля составляла около 14%.

Колгашкин А.Ю. Уважаемые коллеги, мы немного отклонились от темы нашего сегодняшнего аналитического совещания, и я бы хотел предоставить слово Борису Федоровичу Калачеву, который внимательно слушал нас и уже набросал небольшой конспект выступления.

Калачев Б.Ф. Я внимательно конспектирую все высказывания, они очень полезны. Составлю по этому поводу справку и пошлю ее в нужные организации.

Колгашкин А.Ю. И порочная практика будет прикрыта. Хорошо.

Калачев Б.Ф. Мне тяжелее, по сравнению с вами, что-либо говорить, потому что я в течение последних лет постепенно из темы наркотиков выхожу в силу того, что занимаюсь все более широким кругом вопросов по сравнению с тем, чем занимался прежде. Это и терроризм, и организованная преступность, и миграция. Но, несмотря на это, некоторые свои соображения по сегодняшнему вопросу я хочу вам высказать. Буквально часа полтора назад я прочитал следующую информацию. В Индии в настоящие минуты развертываются войска для того, чтобы предотвратить нападение полчищ крыс, которые с периодичностью в 48 лет подгадывают цветение бамбука и, так как цветки этого растения вызывают у них приятный эф-

фект, они миллионами приходят им полакомиться. Периодичность, напомним, 48 лет. И войска готовятся к их отражению, потому что все предыдущие периоды подобных нападений приводили к голоду в этом штате Индии. Полчища нападают, наступает голод, потом проходит время, экономика, социальная среда постепенно восстанавливаются и потом опять все повторяется. Так вот, что я 5 лет назад занимался проблемой наркотиков, что сейчас, когда благодаря уважаемым коллегам из "Нет — наркотикам" я оказался в этом замечательном коллективе — у нас ведь полчища крыс постоянно присутствуют в отличие от индийцев. В виде наркобизнеса. Поэтому, если вспомнить разговоры, которые велись 5 лет назад и те, что ведутся сегодня, поверьте мне, они отличаются только на какие-то запятые и иные знаки препинания. Разговор опять о том же самом, о чем говорили и 5, и 10, и даже более лет тому назад.

В чем заключается отличие, и есть ли оно? На днях в Мексике собирались представители государств латиноамериканского региона, Карибского бассейна и выработали стратегию, которую они назвали межрегиональной политикой. Эта политика сводится к трем пунктам:

- идентичность задержания правонарушителей;
- идентичность мер дознания и расследования;
- идентичность мер экстрадиции.

Вопросы профилактики, вопросы иных ниш государственной политики каждого из этих государств опускались и все было сведено хотя бы к этим трем составляющим, что позволяло бы с точки зрения правоохранения бороться с этим явлением. Но в рамках межгосударственной политики. Примерно такая же картина, документально закреплённая, вы об этом все прекрасно знаете и помните, у нас наблюдалась с 1991 г., когда по указу Президента Бориса Николаевича Ельцина была утверждена концепция по противодействию наркотикам. Но она, разработанная покойным Александром Николаевичем Сергеевым при моем скромном участии, себя исчерпала как государственная политика того периода времени. Исчерпала потому, что, во-первых, принят какой-никакой, но закон "О наркотических средствах и психотропных веществах". И он действует и регулярно дополняется, хотя, по большому счету, закон нужен новый, более мощный и более разветвленный. Создана служба по наркотикам, замыкающаяся на президента. Об этом только мечтали в 90-е годы. Создана Федеральная целевая программа, и она функционирует уже не в одном поколении. Создан банк данных и, насколько я знаю, коллега Миронов поправит, если я что-то неправильно скажу, банк новый и более мощный, и он будет введен в действие в 2007 г. Кроме того, создан московский центр, в который входят 14 государств мира и который ведет эту работу при нашем координирующем участии. Согласно этой концепции был создан фонд, т.е. все пункты, предусмотренные тем документом, уже реализованы.

И абсолютно правы все те, кто присутствует здесь, говоря, что взамен этой концепции нового документа, определяющего политику государства, нет. Тот исчерпан, а нового нет. Поэтому первая теоретическая задача, которая должна стоять, — это разработка либо стратегии, либо доктрины, либо иного концептуального документа, где отражалась бы государственная политика; документа, подписанного первым лицом государства и позволяющего внятно и четко представлять себе, как двигаться с точки зрения внутренних и внешних национальных интере-

сов в этом направлении. Будет ли это разработано или нет — трудно сказать, но коллеги в службе об этом постоянно думают и говорят.

Что касается ваших мнений о роли первого лица, о том, что он не принимает никаких мер и участия, я с ними не совсем согласен. Это не так. Обратите внимание на последние мероприятия, которые прошли и в международной и во внутренней жизни, как бы не связанные с темой наркотиков. Допустим, собирались члены государств, входящие в Шанхайскую организацию сотрудничества. Собиралась ОДКБ. Собиралось совещание по взаимодействию и мерам доверия в Алма-Ате. Собирались главы спецслужб СНГ. И везде, во всех этих мероприятиях, главенствующей точкой зрения, главенствующим пунктом всегда присутствовала борьба с наркобизнесом. Внешне бессвязные мероприятия, но в целом они связаны одной нитью одной системы, направленной на работу в том направлении, которое мы сегодня с вами обсуждаем. Другой вопрос, что гибкости и сиюминутности вот в той, может быть, не совсем внятной внешней политике, нет.

Поясняю свою мысль. И глава государства, и вся его команда, и вы об этом все прекрасно знаете, а в каких-то частях может быть даже лучше, чем я, провозгласили политику реализации национальных проектов — образование, здравоохранение, жилье, село, агропромышленность. Но приведите мне хотя бы один пример, чтобы кто-то из руководителей службы по наркотикам сказал "а мы уже давно действуем в рамках этих национальных проектов". Вот у нас по образованию вот это делается, вот у нас по здравоохранению вот это делается, вот у нас по сельскому хозяйству вот это делается, ну хотя бы на примере того, что Роскосмос сейчас в Тыве начинает кодификацию посевов конопли. Не говоря о том, что выведены новые сорта конопли с низким содержанием тетрагидроканнабиноидов.

И в этом же контексте не мешало бы сказать тем же самым представителям наркоконтроля и других структур: а в рамках национального проекта жилья почему бы не подумать о наркологах, об офицерах полиции, которых необходимо обеспечить жильем? А почему в Федеральную целевую программу не добавить соответствующий пункт, который бы вливался в рамки существующих национальных проектов? То есть вот этим маленьким примером я хочу сказать, что при плюсах и минусах, которые присутствуют, все-таки минусы выпячиваются здорово. И гибкости, и быстрой реакции на не менее быстро меняющуюся политическую обстановку, ее не хватает. А это можно было бы осуществлять в тех же самых рамках национальных проектов.

Еще когда я плотно занимался наркотиками, одна моя ученица защищала диссертацию "Наркомания среди женщин". Я ее попросил походить по родильным домам и поинтересоваться, ведется ли учет младенцев, которые рождаются от больных наркоманией. И вот она 5 лет тому назад прошла по родильным домам, обнаружила, что этого учета нет, хотя в США от 150 до 300 тыс. младенцев, рожденных от наркоманов, каждый год регистрируется. У нас же как 5 лет тому назад она внедрила эту научную свою новизну, как защитила диссертацию, как опубликовала те статьи, которые были необходимы, так это все в ВАКе в виде корочки и осталось. И как были у нас роддома, где не велся учет, в том числе и в рамках национального проекта по здравоохранению, так он и не ведется, т.е. гибкость и своевременность, извините что я десятый раз это

повторяю, хотя бы той политики, которая существует на данный момент времени, к сожалению, не всегда реализуется.

Сейчас я хочу сделать две небольшие ремарки по поводу названия Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. Я считаю, что то название, которое она носит, а именно содержащее слово "контроль", вполне своевременно и актуально, поскольку, если мы будем называть ее, как раньше, употребляя слова "борьба", "противодействие", это все не так. Служба по наркотикам занимается очень широкой деятельностью, которая как раз и вливается по всем своим аспектам в такое емкое понятие, как контроль. Контроль над чем-то. И легальный оборот, и борьба с незаконным оборотом, и так далее. Правильно Евгений Анатольевич заметил, но до конца не сказал или, может быть, не захотел сказать, и координация и политика в том виде, в котором она должна сегодня присутствовать, генералу полиции Черкесову "не по зубам", потому что он представитель исполнительной структуры, хотя и замыкающейся на Президента Российской Федерации. А государственная политика предусматривает, как в той же самой Германии, Франции, Испании, Италии, взаимосвязь и скоординированность деятельности в рамках единого движения, всех ветвей власти. Какое воздействие может оказывать Черкесов на Государственную думу и Совет Федерации? Кто он такой? Он представитель исполнительной власти. Он может выходить с предложениями, с просьбами, допустим к депутату Ройзману или к какому-нибудь другому депутату. Какое он может оказывать воздействие на Верховный суд? Да никакого. Так же, как и на Конституционный и Арбитражный суды. Он может выходить с ходатайствами, проводить какие-то консультационные мероприятия, он может пригласить на вновь созданную правительственную комиссию представителей других ветвей власти, но они будут присутствовать и слушать, а вот примут они для себя решения как руководители других ветвей власти для того, чтобы идти в одном русле государственной политики, еще бабушка надвое сказала. Вот по этой как раз причине и разработаны в мировой практике механизмы в развитых зарубежных государствах, и здесь велосипед изобретать не стоит.

Возьмем для примера те же самые Соединенные Штаты Америки. Там придуман так называемый царь наркотиков. Это человек, который входит в структуру Администрации Президента США, имеет небольшой, я это подчеркиваю, штат специалистов разного профиля, которые и формируют государственную политику, выходящую не только за рамки близлежащих государств латиноамериканского региона, но и приобретающую глобальный характер. Тому, кто не знает, я скажу, кто знает, тот лишний раз меня поддержит. Американская политика заключается в том, что у них принят соответствующий национальный закон, и если какие-то государства, с которыми они как бы дружат, вдруг начинают вести себя в сфере наркотиков не так, как это нужно, как это отвечает внешним и внутренним национальным интересам США, они в отношении таких стран применяют меры сертификации, которые выливаются в меры дипломатического, политического, экономического и военного воздействия. Вот что значит один из аспектов той государственной политики, которая предполагает всю полноту этого понятия.

Акиншин Ю.И. Очень интересный обмен мнениями, из которого самое важное, это то, что мы все сами не

множко не понимаем, кто же у нас является объектом формирования политики. Здесь высказывались разные мнения: это должно быть первое лицо, общественность, народ, Дума и т.д.

Хочу сказать на примере нашего нынешнего агентства, а раньше Министерства печати. Когда в 2001 г. сайт "Нет — наркотикам" получил у нас первый грант, никто еще толком не говорил, о какой-то осознанной наркополитике в медиасфере. Здесь просто на уровне сотрудников нашего министерства было понимание того, что с этим нужно бороться. Было понимание того, что ситуация с наркотиками вышла из-под контроля и что-то надо делать. Поэтому для начала было принято решение поддержать идею создания такого интернет-сайта. Мы стали выделять гранты на телевизионные программы, на радиопрограммы. И сразу же и мы, и исполнители столкнулись с тем, что не знали, что писать, как писать, как это подавать, о чем можно говорить, а о чем нельзя. Вернее, не о том, что нельзя, а о чем вредно говорить. Вроде бы обо всем можно и вроде бы это все против наркотиков, а на деле господин Надеждин начинал утверждать, что с такими вещами пропагандируем наркотики. Медиapolитика в этой сфере вырабатывалась здесь внутри, как бы стихийно. Она вырабатывалась, когда мы проводили конкурсы в Геленджике, когда собирались специалисты и вместе приходили к какому-то мнению. Не всегда к единому, но какое-то среднестатистическое всегда получалось.

Прошло уже 5 лет, и я должен сказать, что не знаю, благодаря ли этим усилиям или нет, но кое-что в медиасфере все-таки изменилось. Если раньше я регулярно морщился, глядя на экран телевизора или слушая радио, потому что там постоянно присутствовала романтизация наркотиков, соответствующие реплики киногероев и так далее, то сейчас я этого уже не замечаю. Сейчас от этого уже ушли, сейчас, наоборот, очень часто в уста каких-то популярных героев телефильмов вкладываются вещи против наркотиков. Незаметно, ненавязчиво. И мы пришли к тому, о чем Евгений Вадимович говорил, "кто колетса, тот чухан". Некая подмена лозунгов и идей — она уже произошла в нашу пользу. К чему я это все говорю? К тому, что мы все вместе сами здесь вырабатывали эту политику. Тут не было какого-то верховного органа или одного человека, который бы нам сказал "вот делайте так". Наверное и здесь в целом этого не может быть. Административная реформа привела к разделению полномочий между агентствами, службами и министерствами. При этом за министерствами оставлена функция разработки и реализации политики в сфере деятельности. И в то же время, как здесь справедливо замечалось, это все является органами исполнительной власти. Как же так: исполнительная власть сама еще и вырабатывает политику? Наверное, это не совсем логично, но сейчас именно так и происходит. Наверное, на практике и должно быть так, как это получалось у нас в медиасфере. То есть политика вырабатывается совместно, общими усилиями. Здесь я намекаю на правительственную комиссию, которая сейчас воссоздана, и я надеюсь, что это межведомственное взаимодействие позволит разработать антинаркотическую политику и закрепить ее каким-то образом. Представители Думы там ведь тоже есть?

Ройзман Е.В. Да, конечно.

Акиншин Ю.И. Тогда межвластное и межведомственное взаимодействие, наверное, удастся. И в этой связи я подумал, что для полноценного общения нам действитель-

льно не хватало присутствия на этом совещании человека, о котором сказал Борис Федорович и который есть в США. Перед этим совещанием я долго думал, кого бы пригласить из Администрации Президента, но так и не нашел подходящей кандидатуры, кто бы там этим занимался. Такой человек точно не помешал бы на нашем совещании, и это явилось бы одним из элементов разработки той самой политики, о которой мы сегодня говорим. То, что наша сегодняшняя встреча будет опубликована и доведена до сведения других, в том числе и до всех ветвей власти, тоже станет частью разработки политики.

Миронов А.С. Поскольку наша беседа будет опубликована, мне бы хотелось затронуть еще одну щепетильную тему. Мнение нашего любимого народа, потому что, действительно, делается все для того, чтобы обезопасить его от этой угрозы. На сегодняшний день мы столкнулись с тем, что те, кто всю оставшуюся жизнь, не дай Бог если что-то случается в семье, борется с этой проблемой, — это родители. А на сегодняшний день эта категория вообще не знает ничего об этой тематике, т.е. те акции и мероприятия, которые мы в мае проводили по школам, показали, что интерес возникает только там, где мы, как верно отметил Евгений Вадимович, освещаем эту проблему с позиции "страшилок". Когда они видят, что это страшно, они начинают за нами бегать и говорить: "Покажите, расскажите, куда звонить". На сегодняшний день мы провели эту кампанию из-за того, что, выступая на родительских собраниях и классных часах, брали себе для выступления всего по десять минут. И вот за эти десять минут, когда к родителям, уже послушавшим о двойках и пятёрках, которые получили их дети, и думающих только об этом, приходил сотрудник Госнарконконтроля — они просто нас не слышали. Именно поэтому с 20 сентября по 20 октября этого года мы запланировали всероссийскую акцию "Родительское собрание", в ходе которой мы по всей стране проведем единые классные часы. Также совместно с Министерством образования сейчас составляется перечень мероприятий именно для родителей. И 26 числа в День борьбы с наркоманией мы планируем прове-

дение в Москве акции по раздаче автомобилистам ленточек с логотипом борьбы с наркотиками для того, чтобы мониторингом посмотреть, кто подключится к нашей идее. Студенты МГТУ им. Баумана подключаются, на всех перекрестках города Москвы мы расставляем своих волонтеров, которые буду информировать водителей об этой проблеме. Приглашаю всех желающих принять участие в акции.

Калачев Б.Ф. Коллеги, я совсем забыл сказать, что я по-прежнему сотрудничаю с ВНИИ МВД России. И буквально 3 дня тому назад я завершил годовую тему, которая называлась "Преступность в городе Москве: регистрация и латентность". Там собрана общеуголовная картина по Москве, я не буду вдаваться в обзор по этому поводу, но хотел бы обратить внимание на проводившийся в рамках работы опрос москвичей. Заключительный вопрос его звучал так: "Какие проблемы в перечне криминальных вы считаете наиболее актуальными на данный момент времени?". Ответы распределились так: первое место — коррупция, но сразу делаю замечание, что под коррупцией мы с вами должны понимать лишь метод достижения криминального результата, это не столько деяние, а явление, которое позволяет осуществлять другие действия. Поэтому мы отменяем его в сторону и принимаем за первое место то, которое будет вторым. А вот вторым, или же в нашем случае первым, респонденты назвали проблему наркотиков в Москве. Затем следует отмывание денег, после этого идет преступность несовершеннолетних, незаконная торговля оружием, налоговые преступления, торговля. А на последнем месте знаете что? Не поверите. Государственная измена и шпионаж, т.е. тема наркобизнеса москвичами, причем разнополыми и разновозрастными, сегодня выдвинута на первое место. И никто их за язык не тянул.

Колгашкин А.Ю. Ну что же, коллеги, нам пора подводить черту под обсуждением. Большое вам всем спасибо за участие в нашей сегодняшней встрече. Надеюсь, что для всех участников эта беседа была интересной и полезной, а мы, в свою очередь, постараемся сделать такие совещания традиционными.